

Этика слежки

Или чему теперь учат в хороших университетах

Мой сын мучительно и с перенагрузками превращается в программиста на факультете естественных наук в Лёвенском университете (Бельгия). Недавно его снабдили полезными методиками и дали задание: сделать аналитический доклад на тему «Этика слежки». Заметьте, в рамках дисциплины «Информатика».

Сюжет мне показался необычным: католический университет, программирование, информатика — и вдруг апология одного из самых действенных орудий в руках Большого брата. Возникло желание разобраться.

Полистал методички и убедился, что внешне все выглядит пристойно и очень по-европейски: мнения не навязываются, делается оговорка, что сегодня у слежки есть сторонники и противники. Сторонники говорят об обеспечении общественной безопасности: американская система тотальной перлюстрации, интернет-трафика PRISM, уже помогла-де предотвратить целых 26 террористических актов в Европе. Противники возражают: государственная слежка является вмешательством в частную жизнь, покушается на свободу личности, а потому неконституционна и недопустима.

На «защите от терроризма» у сторонников слежки, похоже, аргументы начинаются и заканчиваются, тогда как у противников в рукаве припасена еще пара-тройка аргументов: обработка данных наблюдения проводится на финальном этапе обычными людьми, а люди могут злоупотребить служебной информацией, извлекая при желании из нее личную выгоду.

Наконец, велик соблазн государственной власти (здесь делается оговорка: в «коррумпированных и тоталитарных странах») не отлавливать случайных злоумышленников, а целенаправленно следить за «неугодными» гражданами, предупреждая тем самым их действия.

Далее в рекомендованной литературе описываются вехи борьбы за общественную безопасность в Бельгии с момента обретения независимости в 1830 году. Повествуется о доблестных структурах (ADIV, VSSE), эту безопасность в наше время обеспечивающих.

Что же такого странного я усмотрел в теме, которая явно подается студентам в объективном и взвешенном виде?

«Странностей» две: одна маленькая и одна большая. Начну с маленькой. Еще недавно даже намек на апологетику общественной слежки за гражданами воспринимался в Европе как крамола, а пресловутая война с Google Maps являлась не поводом, а следствием некогда доминировавших в ЕС настроений.

Как известно, специализированные машины Google без проблем катаются по переулкам и закуткам планеты, снимая все подряд на 360-градусную панораму. Дабы избежать ненужного юридического напряжения, «Корпорация добра» затушевывает на своих картах лица случайных прохожих и номера автомобилей.

Немецким людям, однако, этого показалось недостаточно. Им в принципе не нравилась идея, что их кровно заработанные BRABUS'ы V12 S Biturbo будут разглядывать нищеброды во всяких россиях и индонезиях. Или, того хуже, — сотрудники родной «Штойфы» (налоговой полиции).

Возмущенные немецкие люди подняли такую шумиху, что Google согласился сделать исключение из своих универсальных правил, так что сегодня владельцы частных домов в Германии имеют право требовать не только ретушировать лица и номера

автомобилей, но и затирать на картах объекты принадлежащей им недвижимости.

Удовлетворил Google и коллективные иски: по желанию жителей немецких кварталов на картах можно вымарывать целые улицы.

Так относились в Евросоюзе к слежке, проводимой частной американской компанией, всего пять лет назад. Слежка со стороны чужих государственных структур вызывала еще большее неудовольствие. Помнится, в 2013 году комитет Европарламента по делам юстиции и гражданских прав даже грозился устроить видеоконференцию с Эдвардом Сноуденом, который собирался на голубом глазу поведать подробности о слежке американского АНБ за политиками высшего эшелона власти в Германии.

Тогда же, в 2013-м, Германия на эмоциях расторгла соглашения 1969 года с США и Великобританией, позволявшие спецслужбам этих стран проводить электронную разведку на ее территории.

Даже Испания, где американские «эксперты безопасности» домовито слушали телефонные разговоры и шерстили электронную почту местных граждан, «потребовала от США разъяснений». Испания, если не изменяет память, до-

ходчиво объяснили, что цифровые рыцари плаща и кинжала стараются ради испанского же блага, после чего слежку продолжили.

О том, что европейцы совершенно бессильны что-либо изменить в своем подколпачном цифровом статусе, стало ясно после утечки (благодаря всему тому же Сноудену) информации о работе секретной программы PRISM (Program for Robotics, Intelligents Sensing and Mechatronics), которая в 2007 году пришла на смену Программе слежки за террористами (Terrorist Surveillance Program).

В 2010 году системы сбора информации Агентства национальной безопасности США перехватывали ежедневно около 1,7 млрд телефонных разговоров и электронных писем, а также фиксировали более 5 млрд записей о местонахождении и передвижении владельцев мобильных телефонов по всему миру. На какие мощности программы слежения вышли сегодня, остается только догадываться.

Невольно вспоминается цифра, которую почерпнул из методичек сына: PRISM предотвратила в Европе аж 26 терактов. 5 млрд ежедневных записей о перемещениях частных лиц и 26 предотвращенных терактов за все годы. Вот уж поистине parturiant montes nascetur ridiculus mus (рожают горы, а родится смешная мышь. — Ред.). Правда, смешной мышка кажется только при допущении, что данные АНБ собирает ради предотвращения терактов, а не для каких-то иных целей.

Беспрецедентный скандал со слежкой АНБ в Евросоюзе в 2013 году закончился пшиком: комиссар Евросоюза по здравоохранению Тонио Борг решительно заявил о намерении потребовать от США разъяснить работу системы PRISM. Разъяснения, видимо, оказались настолько убедительными, что даже в университетах Европы студентов в 2018 году учат толерантному отношению к массовой слежке за гражданами свободного мира.

Тонкости трансатлантического партнерства являются, впрочем, лишь малой «странностью» «этики слежки». Есть еще и «странность» большая, переводящая вопрос в совершенно иную плоскость. Дело в том, что само словосочетание «этика слежки» свидетельствует если пока еще и не о возрождении оруэлловских метафор, то по меньшей мере о попытке поднять «слежку» до уровня, ей никак не положенного.

Существует множество причудливых интерпретаций термина «этика», однако все они, разнясь в частностих, непременно сходятся в главном: этика — это то, что устанавливает связь объекта с понятиями Добра и Зла.

Ясно, что «этика слежки» сродни «этике топора» или «этике алкоголя». Этичен ли топор, которым завалили старушку-процентщицу? Этична ли бутылка портвейна, распитая Иваном Липсевым у входа в винный магазин № 19 в спальном районе Химки-Ховрино?

Первое, что приходит в голову: зло не в топоре, а в Родионе Раскольникове, взявшем его в руки. Зло не в бутылке портвейна, а в Иване Липсеве, раздавившем ее на глазах у октябрят, балагуривших на автобусной остановке напротив винного магазина.

Напрашивается аналогия: не сама слежка плохая или хорошая, а те, кто ее осуществляет. Умозаключение распространенное, но, увы, ошибочное. Критерий этичности/неэтичности равно неприменим и к инструменту действия, и к агенту этого действия. Добро и зло — лишь атрибуты системы нравственности, принятой в конкретном социуме.

Если бы русское общество XIX века повсеместно руководствовалось моралью «Одна замоченная старуха, может, и алтын, зато пять старух — целых 15 копеек барыша!», у романа Достоевского не было бы никакого общественного резонанса. Бессмысленно доказывать представителю новогвинейского племени колуфо, что пить нельзя людьми безнравственно — он просто не поймет, чего вы от него добиваетесь.

В рамках единой для участников дискуссии системы морали нет и не может быть никаких разногласий в понимании того, что такое хорошо и что такое плохо. Расхождения в оценке добра и зла могут возникнуть лишь при столкновении различных систем нравственности.

Проблема в том, что «этика слежки», рассмотренная в контексте европейской морали, — чистейшей воды оксюморон. Более двух столетий назад европейский плебс и буржуа почти полностью вырезали класс высокородных людей во имя торжества принципов Liberte, Egalite, Fraternite. С тех самых добрых (недобрых?) пор любое ущемление прав индивида, любое пополнование государства против личности воспринимается на уровне общественного европейского сознания не иначе как Зло.

Никаким рационализмом американских неоконсерваторов («он, конечно, сукин сын, но наш») эту давно утвердившуюся и не допускающую эквивоков европейскую этическую конструкцию поколебать невозможно.

Совсем неожиданный поворот наша тема получает в момент, когда мы осознаем, что выведение слежки из европейского этического поля отнюдь не означает, что слежку нельзя рассматривать в иных контекстах.

Выходит, что современные апологеты Большого брата не так далеки от истины, как может показаться блистителям европейских аксиом нравственности. Ведь неэтичная слежка и в самом деле эффективна в плане обеспечения общественной безопасности.

Учителя, полагаю, нет сомнений, что перед посадкой в самолет, на котором вы лично отправляйтесь в путешествие, всех пассажиров не только можно, но и нужно просвещивать?

Сергей ГОЛУБИЦКИЙ —
специально для «Новой»